

Сергей ВАРАКСИН

БОМБА

— Господа члены Государственной думы! — Столыпин обвёл глазами притихший зал. — Я не думал выступать сегодня по этому делу и не ждал запроса, который только что тут оглашен, так что он является для меня полною неожиданностью.

Он повысил голос и стал говорить, чеканя каждое слово.

— Но я считаю своею обязанностью, как начальник полиции в государстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных!

Столыпин вздохнул и поправил галстук.

— Насколько мне известно, дело произошло таким образом: столичная полиция получила сведения, что на Вознесенском собирается центральный революционный комитет, который имеет сношения с военной революционной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе, как войти, в силу власти, предоставленной полиции, и произвести в той квартире обыск.

Столыпин навалился на трибуну всем телом и почти прокричал в зал:

— Не забудьте, господа, что город Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные! Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла!

Он взял стакан с чаем, рука дрогнула, и ложка громко звякнула в застывшей тишине зала.

— Держи, держи гада!

Срезневский свернул за угол. Резал ухо визг полицейского свистка. Павел пробежал несколько шагов, нырнул в подворотню и бросился в открытую дверь подъезда. Грохот сапог оглушил двор и затих, рассыпавшись эхом в окнах.

— Ушёл, сволочь... — сказал кто-то на улице.

— Никуда не денется — ответил второй. — Оцепить двор! — скомандовал он. — Ковалёв, Филин — на ту сторону! Семёнов, со мной!

Срезневский оторвал плечи от стенки и, стараясь почти не шуметь, на цыпочках побежал вверх. На площадке четвёртого этажа он затравленно огляделся и позвонил в первую попавшуюся дверь. Внизу на лестнице гремели шаги.

— Что вам угодно? — спросила сухонькая опрятно одетая старушка, сверля глазами Срезневского. Павел быстро поставил ногу в приоткрывшуюся щель и вошёл в квартиру.

— Тихо, тихо! — сказал он, приложил к губам ствол нагана. Стук кулаков и блякканье звонка заставили обоих вздрогнуть.

— Благоволите открыть! — заорал кто-то осипшим злым голосом.

Старушка рванулась на крик, но Срезневский встал на пути, прижал её голову к себе и держал, сжимая всё сильнее и сильнее, пока тело не перестало сопротивляться. Тогда он медленно опустил женщину на пол, сел рядом на корточки и зачем-то потрогал пальцем яркую красную серёжку у неё в ухе.

Спустя час Срезневский осторожно открыл дверь и вышел на лестницу. На улице он осмотрелся по сторонам, поднял воротник и быстрыми шагами направился в сторону канала. Бледная луна дрожала в грязной воде Обводного. Он плюнул вниз, постоял, навалившись на чугунные перила, потом спустился с моста и свернул к Варшавскому вокзалу. С неба посыпался мелкий дождь.

У церкви Воскресения жёлтым пятном вспыхнул фонарь, и Срезневский, чертыхнувшись, шарахнулся от собственной тени. Вспомнились дуры-сёстры, с криком «ага!» выпрыгивающие из-за покрытого зелёным сукном стола, пугая Павла. Он бежал жаловаться Ольге Андреевне.

— Ну что ты, голубчик... — ласково говорила она и гладила Павла по коротко стриженной голове.

– Идиотка, – прошептал Срезневский, останавливаясь у своего дома.

Он прошёл под аркой вдоль стены и выглянул за угол. Было тихо. Дождь кончился, и мокрая трава сверкала таинственно в лунном свете. Где-то далеко завывала собака. Он постоял, раздумывая, и уже решился идти, когда скрипнула дверь.

На улицу вышли двое. Срезневский убрал голову в темноту, прислушался. Высокий закурил, и огонь спички сделал рыжими его большие усы.

– Вчера троих взяли, – произнёс он с сильным южнорусским акцентом.

Срезневский повернулся кругом, вышел из арки и побежал вверх по проспекту до Сенной. У Кокушкина моста он свернул налево, через полчаса был на Вознесенском. Дом 31, квартира 29.

– Не посмеют... – бормотал лихорадочно, как в бреду. – К матери не посмеют...

Открыла Ольга Андреевна, сказала:

– Павлик!

Кто-то кинулся на него сзади, стал крутить руки за спину. Он упал и попытался достать наган, но удар сапога с хрустом сломал ему нос. Ольга Андреевна закричала и бросилась к сыну. Её оттащили двое жандармов и посадили на стул. Срезневского рывком подняли с пола.

– Павлик, господа говорят – бомба... Какая бомба?! – сказала Ольга Андреевна и заплакала.

В девять утра позвонили в дверь. Почтальон посмотрел на всех с удивлением, непонятно кому протянул письмо.

– Распишитесь – сказал он.

11 05 07 С-Петербург – Mai 07 Munchen
Russland
S. Peterburg

Ея Превосходительству
ОльгѢ АндреевнѢ Срезневской
Вознесенскій 31. кв 29

Мюнхенъ. Bazer str. рекв. Muller
8/21-07

Дорогая Мамочка. Вчера была недѣля, какъ мы живѣмъ въ рекв. Muller и пока имъ очень довольны. Хозяйка милая, интеллигентная дама, любящая молодѣжь. На дачу къ ней въ горы, куда она звала на Троицу поѣхать не удалось, т.к. былъ проливной дождь 2 дня, холодно. Скучно безъ русскихъ газетъ. Мы ихъ покупаемъ здѣсь, но рѣдко, т.к. Нов. Вр. стоитъ 35 пф., нѣмецкія же газеты очень мало пишутъ о Россіи. Было в газѣте о раскрытіи заговора на Государя, не знаемъ, вѣрно ли это, уж очень невѣроятная вся исторія.

Давно не получали писѣмъ от Васъ. Какъ поживаете, какъ братъ, что дѣлает? Не получили ни одного письма от нѣго. Сегодня думаемъ идти смотреть скульптуру в glyptotek'у.

До четвѣрга здесь праздники.